

КАРЛ ГУСТАВ ЮНГ

НЕРАСКРЫТАЯ САМОСТЬ

*ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ
МОСКВА*

УДК 159.9
ББК 88.3
Ю50

Серия «Эксклюзивная классика»

C. G. Jung
THE UNDISCOVERED SELF

Перевод *А. Чечиной*

Серийное оформление *А. Фереца, Е. Ферец*

Компьютерный дизайн *А. Чаругиной*

Печатается с разрешения Paul & Peter Fritz Agency.

Юнг, Карл Густав.

Ю50 Нераскрытая самость : [сборник] / Карл Густав Юнг ; [перевод А. Чечиной]. — Москва : Издательство АСТ, 2023. — 256 с. — (Эксклюзивная классика).

ISBN 978-5-17-137686-4

Статья «Настоящее и будущее», известная также под названием «Нераскрытая самость», — одна из немногих работ Юнга, адресованных широкому кругу читателей. Наблюдая подавление индивидуальной массовой психологией в настоящем (статья написана в 1957 г.) и предвидя усиление этой тенденции в будущем, Юнг посчитал своим долгом предупредить человечество о грозящей ему опасности и обрисовать возможные пути выживания в обществе, стирающем всякую индивидуальность.

В сборник также включена работа «Символы и толкование сновидений», в которой Юнг исследует принципы работы с бессознательным посредством толкования снов.

УДК 159.9
ББК 88.3

© Little Brown, 1958
© Princeton University Press, 1990
© Foundation of the Works of C. G. Jung, Zürich, 2007
© Перевод. А. Чечина, 2020
© Издание на русском языке AST Publishers, 2023

*НАСТОЯЩЕЕ И БУДУЩЕЕ**

* В оригинале работа называется «Настоящее и будущее» (Gegenwart und Zukunft), в английском переводе очерк известен под названием «Нераскрытая самость» (The Undiscovered Self).

1. Бедственное положение индивида в современном обществе

Что ждет нас в будущем? Данный вопрос занимал человеческий ум с незапамятных времен, пусть и не всегда в одинаковой степени. Как показывает история, человек с тревогой и надеждой обращает свой взор в будущее преимущественно во времена физических, политических, экономических и духовных потрясений. В такие периоды число антиципаций, утопических идей и апокалиптических видений возрастает многократно. В качестве примера можно привести хилиастические ожидания, характерные для эпохи Августа на заре христианской эры, или духовные перемены на Западе, сопровождавшие конец первого тысячелетия. Сегодня, когда близится к концу второе тысячелетие, наш мир вновь полон апокалиптических образов всеобщего уничтожения. Чем обернется разделение человечества на две половины — глобальный раскол, символизируемый Железным занавесом?

Что станет с нашей цивилизацией и с самим человеком, если начнут взрываться водородные бомбы или если Европу поглотит духовная и нравственная тьма государственного абсолютизма?

У современного человечества нет никаких оснований не воспринимать эту угрозу всерьез. Повсюду на Западе существуют группы диверсантов, которые, находясь под надежной защитой нашего человеколюбия и чувства справедливости, в любой момент готовы поджечь запал. Остановить распространение их идей способен лишь критически мыслящий разум интеллектуально развитого, психически стабильного слоя населения. Не следует переоценивать толщину этого слоя. Последняя не только варьирует в разных странах в соответствии с национальным темпераментом, но и зависит от уровня государственного образования, а также подвержена чрезвычайно сильному влиянию факторов экономического и политического толка. Если в качестве критерия взять плебисцит, то по самым оптимистическим оценкам максимальная «толщина» этого слоя составит сорок процентов электората. Более пессимистическая оценка равно оправданна, ибо дар здравого смысла и критического мышления не принадлежит к числу характерных особенностей человека. Даже там, где он присутствует, ему свойственны колебания и непостоянность. Как правило, его проявления тем слабее, чем больше политическая группа. Масса подавляет

проницательность и способность к размышлению, возможные на индивидуальном уровне, а это, в свою очередь, неизбежно ведет к доктринерской и авторитарной тирании, едва только конституционное государство даст слабину.

Рациональная аргументация имеет шансы на успех только в том случае, если эмоциональность данной конкретной ситуации не превышает определенного критического уровня. Если эмоции зашкаливают, всякая возможность того, что разум возьмем действие, исключена. На смену ему приходят лозунги и химерические желания-фантазии. Иными словами, возникает своеобразная коллективная одержимость, которая быстро достигает масштабов психической эпидемии. В таких условиях все те элементы, которые при верховенстве разума считаются асоциальными и чье существование общество всего лишь терпит, поднимаются наверх. Эти люди отнюдь не редкие безумцы, встретить которых можно разве что в тюрьмах или психиатрических лечебницах. По моим оценкам, на каждого явного сумасшедшего приходится как минимум десять скрытых. Безумие этих несчастных редко проявляется в открытой форме, но их взгляды и поведение, при всей внешней нормальности, подвержены неосознаваемому воздействию патологических и извращенных факторов. По понятным причинам никакой медицинской статистики касательно распространенности латентных

психозов не существует. Даже если отношение случаев латентных психозов к случаям явных психозов и явных преступных наклонностей меньше десяти к одному, весьма небольшой процент населения, который ими страдает, с лихвой компенсируется крайней опасностью этих людей. Их психическое состояние аналогично состоянию возбужденной группы, управляемой аффективными суждениями и желаниями-фантазиями. В такой среде они быстро адаптируются и чувствуют себя в ней комфортно. По опыту они знают «язык» условий такого рода и умеют к ним приспособляться. Их химерические идеи, подпитываемые фанатичным возмущением, взывают к коллективной иррациональности и находят в ней плодородную почву; они выражают все те мотивы и недовольство, которые у более нормальных людей таются под мантией благоразумия и глубокомыслия. Несмотря на их малое количество в сравнении с общей популяцией, они опасны как источники заразы, именно потому, что так называемый нормальный человек владеет лишь ограниченными знаниями о себе.

Большинство людей путают знание себя со знанием осознаваемых эго-личностей. Любой человек, обладающий хотя бы минимальным эго-сознанием, убежден, что знает себя. Но эго знает только собственное содержимое; оно не знает бессознательного и содержимого бессознательного.

Люди судят о степени самопознания на основе того, что знает о себе среднестатистический человек из своего социального окружения, но не на основе реальных психических фактов, которые, как правило, скрыты. В этом смысле человеческая психика подобна телу, о физиологическом и анатомическом строении которого большинство имеет крайне скудное представление. Хотя все мы живем в теле и с телом, обыватель не задумывается о его устройстве и функционировании; чтобы познакомить сознание с тем, что известно о нашем организме, требуется специальное научное знание, не говоря уж о том, что не известно, но, тем не менее, существует.

Посему то, что принято называть «знанием о себе», в действительности очень ограничено, причем бóльшая часть этого «знания» зависит от социальных факторов, от того, что происходит в человеческой психике. По этой причине всем нам свойственно предубеждение, что то-то или то-то не может произойти «с нами», «в нашей семье», в кругу наших друзей или знакомых. С другой стороны, человеку присущи не менее иллюзорные убеждения относительно предполагаемого наличия у него определенных качеств, которые в действительности служат одной-единственной цели — скрыть истинное положение дел.

В этом обширном поле бессознательного, не доступном критике и контролю сознания, мы со-

вершенно беззащитны, а потому подвержены всем видам влияний и психических инфекций. Как и при опасности любого другого рода, мы можем предотвратить риск психического инфицирования только в том случае, если будем знать, что именно нас атакует, а также где, когда и каким образом произойдет нападение. Поскольку самопознание — это познание индивидуальных фактов, теория здесь практически бесполезна. Как известно, чем больше теория претендует на универсальную достоверность, тем меньше она способна учитывать индивидуальные вариации. Любая теория, основанная на опыте, неизбежно носит *статистический* характер; она постулирует *идеальное среднее*, которое исключает все отклонения на обоих концах шкалы и заменяет их абстрактным средним арифметическим. Это среднее арифметическое вполне адекватно, хотя и не обязательно встречается в реальности. Несмотря на это, оно присутствует в теории в качестве неопровержимого фундаментального факта. Крайности, хоть и существуют, в конечном результате не фигурируют вообще, ибо взаимно сокращаются. Если, например, я вычислю вес каждого камушка в пласте гальки и получу средний вес в пять унций, эта цифра мало что скажет мне о реальной природе гальки. Любого, кто на основании этих расчетов решит, будто сможет с первой попытки вытянуть камешек весом в пять унций, ждет горькое разоча-

рование. В действительности может случиться так, что сколько бы он ни искал, он не найдет камушка весом ровно в пять унций.

Статистический метод показывает факты в свете идеальной средней величины, но не дает никакого представления об их эмпирической реальности. Хотя идеальное среднее отражает некий неопровержимый аспект действительности, оно, тем не менее, может исказить истину и тем самым ввести нас в заблуждение. Особенно это справедливо в отношении теорий, основанных на статистике. Отличительной чертой реальных фактов является их индивидуальность. Если называть вещи своими именами, можно утверждать, что реальность состоит из одних исключений и что, соответственно, абсолютная реальность преимущественно иррегулярна*.

Об этом следует вспоминать каждый раз, когда речь заходит о теории, способной стать проводником на пути к самопознанию. Нет и не может быть никакого знания о себе, основанного на теоретических предположениях, ибо объектом этого знания является индивид — относительное исключение и воплощение иррегулярности. Следовательно, индивида характеризует не универсальное и стандартное, а, скорее, уникальное. Посему его следует понимать не как типичную, повторя-

* Иррегулярный — не подчиненный определенному порядку.

ющуюся единицу, а как нечто неповторимое и единственное в своем роде, заведомо не поддающееся познанию и не сравнимое ни с чем другим. В то же время человек как представитель биологического вида может и должен быть описан статистически; в противном случае о нем нельзя будет сказать ничего общего. С этой целью его необходимо рассматривать как единицу компаративную. В результате мы получим достоверный антропологический или психологический портрет абстрактного *Homo sapiens*, лишённого всех индивидуальных черт. Тем не менее для *понимания* человека именно эти черты имеют первостепенное значение. Если я хочу понять индивида, я обязан отбросить все научные знания о среднестатистическом представителе человечества, отказаться от всех теорий, дабы занять совершенно новую и непредвзятую позицию. Чтобы *понять* человека, необходим свободный и открытый разум, тогда как любые *знания* о человеке, равно как и любые представления о сущности человеческой природы, предполагают самые разные сведения о человечестве в целом.

Итак, о чем бы ни шла речь — о понимании другого человека или самопознании, — я должен оставить все теоретические предположения. Поскольку научное знание не только пользуется всеобщим уважением, но и представляется современному человеку единственным интеллектуальным

и духовным авторитетом, понимание индивида обязывает меня совершить *lèse majesté** — а именно, закрыть глаза на научное знание. Принести подобную жертву нелегко, ибо установка на научный подход предполагает чувство ответственности, избавиться от которого не так-то просто. Если при этом психолог оказывается врачом, который стремится не только классифицировать своего пациента с научной точки зрения, но и понять его как человека, ему грозит конфликт между двумя противоположными и взаимоисключающими установками: знанием, с одной стороны, и пониманием — с другой. Данный конфликт не может быть разрешен с помощью «или/или»; единственный способ его устранить — своего рода двустороннее мышление, то есть делать одно, не теряя из виду другое.

В свете того факта, что положительные аспекты *знания* в принципе действуют в ущерб *пониманию*, суждение, вытекающее из него, вероятно, будет носить несколько парадоксальный характер. Если судить с научной точки зрения, индивид есть не что иное, как единица, которая повторяется *ad infinitum*** и с равным успехом может быть обозначена буквой алфавита. С точки зрения понимания, напротив, высшим и единственным реальным объектом исследования выступает уникальный индивид, лишенный всех тех сходств и закономер-

* Букв.: «оскорбление величества» (фр.). — Примеч. пер.

** До бесконечности (лат.). — Примеч. пер.

ностей, которые так дороги сердцу ученого. Всякий врач — прежде всего врач — должен четко осознавать это противоречие. С одной стороны, он вооружен статистическими истинами, усвоенными на студенческой скамье. С другой стороны, перед ним стоит задача вылечить больного, который, особенно в случае психических страданий, требует *индивидуального понимания*. Чем безличнее терапия, тем сильнее сопротивление пациента и тем ниже вероятность излечения. Психотерапевт ощущает себя вынужденным волей-неволей рассматривать индивидуальность пациента как существенный фактор в общей картине и соответствующим образом корректировать методы лечения. В современной медицине общепризнано, что задача врача состоит в лечении конкретного больного, а не абстрактной болезни.

Эта иллюстрация из области медицины представляет собой лишь частный случай проблемы образования и подготовки в общем. Научное образование главным образом зиждется на статистических истинах и абстрактном знании, а потому дает нереалистичную, рациональную картину мира, в которой индивид как сугубо маргинальное явление не играет никакой роли. Однако индивид как иррациональная данность есть истинный и подлинный носитель реальности; это *конкретный* человек в противоположность нереальному идеалу или «нормальному» человеку, к которому относят-

ся научные утверждения. Более того, большинство естественных наук пытаются представить результаты своих исследований так, как если бы они возникли без вмешательства человека. Как следствие, вклад психики — неотъемлемый фактор — остается невидимым. (Единственным исключением, пожалуй, можно считать современную физику, которая признает, что наблюдаемое зависит от наблюдателя.) Таким образом, и в этом отношении естественные науки рисуют картину мира, из которой человеческая психика заведомо исключена, тем самым представляя собой явную антитезу гуманитарным дисциплинам.

Под влиянием научных предположений не только психика, но и отдельный человек, да и вообще все индивидуальные события подвергаются нивелированию и размытию. Эти процессы искажают действительность, сводя ее к концептуальной среднему. Не следует недооценивать психологический эффект статистической картины мира: она оттесняет индивида в сторону, подменяя его анонимными единицами, собранными в массовые формации. Вместо конкретного индивида мы получаем названия организаций и, как кульминацию, абстрактную идею Государства как принципа политической реальности. В результате моральная ответственность индивида неизбежно вытесняется политикой государства (*raison d'état*). Вместо нравственной и психической дифференциации лично-